

В. Г. АДМОНИ

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НА ЗАПАДЕ В XX в.
И СТРУКТУРАЛИЗМ

1

Дать структурализму правильную оценку — означает прежде всего показать его место в процессе исторического развития различных лингвистических концепций. Именно в таком плане, с точки зрения роли структурализма в развитии синтаксической теории, и будет охарактеризовано это направление в данной статье. Обращение именно к синтаксису в указанной связи оправдано, как нам кажется, тем, что иногда высказывается мнение, будто новая грамматическая, и частности синтаксическая, теория на Западе сводится только к структурализму, наиболее последовательно развивающему основные положения Ф. де Соссюра и Э. Сепира. На самом деле положение значительно сложнее.

В XX в. синтаксис становится одной из наиболее разработанных областей языкознания. Период его длительного отставания кончается. Порой еще и теперь в монографиях и диссертациях можно встретить жалобы на скудность синтаксической литературы, но чаще всего это просто некритическое воспроизведение старой традиции. Продвижение синтаксической теории наблюдается во всем мире. При этом нетрудно установить сходные черты в том направлении, которое свойственно развитию синтаксической мысли как в зарубежном, так и в отечественном языкознании. Вполне естественно, что в рамках одной статьи невозможно полностью рассмотреть характерные черты всех лингвистических теорий, выдвигавшихся в первой половине XX в. Мы попытаемся, ограничиваясь разбором лишь некоторых ведущих тенденций, выявить то новое и ценное (хотя бы и спорное), что внесено, на наш взгляд, в синтаксическую теорию в западноевропейском языкознании за последнее пятидесятилетие.

Стремясь прежде всего выяснить результаты применения структуральных методов к практике исследования конкретного языкового материала, мы не останавливаемся специально на философских основах и теоретических предпосылках тех или иных лингвистических концепций¹. Хотя эти моменты крайне важны для понимания существа соответствующих лингвистических направлений и для их оценки в целом, следует учитывать, что в нашей критической литературе данная сторона вопроса сравнительно широко освещалась.

Положения, которые выдвигаются в синтаксической теории в XX в., чаще всего не отличаются абсолютной новизной. Многие уже высказы-

¹ Сама по себе те теоретические основы, на которых развивались новейшие школы в зарубежном языкознании, весьма многообразны. Здесь и ряд новых, а также новейших буржуазных философских систем — логический позитивизм, феноменология Гуссерля и т. д., ряд психологических теорий — структуральная психология и бихевиоризм, «математическая логика» Карнана и Рассела и т. д.

валось раньше, особенно в языкознании XIX в., но высказывалось спорадически, не находило широкого отражения в исследовательской практике. Достаточно напомнить, например, что положение о системности языка неоднократно выдвигалось — не только у Гумбольдта или Беккера, но и у Штейнталя, Мистели, Функа и многих других¹. Однако существенным моментом в лингвистике понятие системности языка становится только в последние десятилетия.

Период господства младограмматиков, начиная с семидесятых годов XIX в., характеризуется эмпирическим и как бы «дробным» подходом к синтаксическим явлениям. Вопросы предложения остаются по преимуществу в стороне. Изучению подвергаются прежде всего синтаксические значения отдельных частей речи, их способность сочетаться с другими разрядами слов и обнаруживаемые ими при этом значения. Даже в чисто количественном отношении работы по синтаксису занимают весьма незначительное место. Характерно, что ряд крупнейших сводных работ младограмматиков в области синтаксиса появляется только на рубеже XX в. или еще позднее².

2

Новый подход к синтаксическим проблемам непосредственно связан с общим развитием лингвистической теории в XX в. Естественно, что такие положения лингвистической теории, как противопоставление языка и речи, утверждение системного характера языка и т. п., должны были оказать существенное влияние на теорию синтаксиса.

Общее стремление языковедов последнего пятидесятилетия к четкому определению и ограничению объекта исследования и вообще к тщательному установлению методики исследования, порой превращающееся в схоластические упражнения и приводящее к терминологическим излишествах, все же дало возможность сделать некоторые важные выводы в области синтаксиса. Отметим, однако, что ряд специфических синтаксических проблем возникал независимо от общих языковедческих вопросов. Отнюдь не стремясь исчерпать весь материал, мы перечислим ниже — почти в тезисной форме — некоторые из новых положений в области синтаксической теории, которые нам кажутся наиболее плодотворными.

1. Синтаксис ставится в тесную связь со структурой речевого акта общения. Роль говорящего в акте речи, соотношение между говорящим и слушающим — эти моменты не только отмечаются, как неоднократно делалось и раньше, начиная с Платона, но и широко используются для понимания языковых, в первую очередь синтаксических фактов. Исследования в этом направлении ведутся как грамматистами, так и психологами.

Среди работ, специально посвященных постановке этого вопроса, следует назвать в первую очередь книги А. Гардинера и К. Бюлера³. Особен-

¹ Приведу хотя бы замечание Ф. Мистели: «... различные синтаксические правила являются частями взаимосвязанной синтаксической системы или индивидуально сложившихся форм мышления, охватывающих все частности, так что там, где эти формы в корне различны, синтаксис отражает эти различия даже в мелочах» (см. F. Misteli, Syntaktische Lesefrüchte aus dem classischen Altindisch, «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. VII, Berlin, 1871, стр. 383).

² Например: B. Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen («Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», Bd. III—V), Strassburg, 1893—1900; J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Reihe I—II, Basel, 1920—1924; O. Behagel, Deutsche Syntax, Bd. I—IV, Heidelberg, 1923—1932.

³ A. Gardiner, The theory of speech and language, 2-d ed., Oxford, 1951; K. Bühler, Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache, Jena, 1934.

но содержательно обширное исследование К. Бюлера, оказавшее немалое влияние на последующее развитие языкознания. В центре концепции К. Бюлера стоит модель акта речи как органа передачи сообщения от одного человека к другому («Das Organonmodell der Sprache»)¹. В эту модель он включает следующие компоненты: а) говорящего («отправителя»), от которого «звуковой феномен», т. е. конкретный отрезок речи, исходит как «симптом» («выражение»); б) предметы и отношения между вещами, о которых должно быть сообщено в «звуковом феномене» (т. е. то, что должно быть представлено, изображено); в) слушающего («получателя»), к которому «звуковой феномен» направлен в качестве своего рода «обращения» («сигнала»); г) сам «звуковой феномен». Таким образом, в модели К. Бюлера намечаются три отношения: выражение (или симптом), изображение (представление) и обращение (сигнал). По мысли автора, все эти три отношения должны быть предметом психологического и языковедческого анализа.

Основное внимание К. Бюлер уделяет второму из указанных отношений — изображению (представлению). Именно функция изображения (представления) является, по Бюлеру, доминирующей функцией языка, хотя «отправитель» и «получатель» речи также влияют на структуру последнего. Соотнесение вещей и отношений между вещами с определенными звуками, играющими в своих сочетаниях роль языковых знаков, рассматривается как языковой факт, имеющий объективное значение и не сводимый к функциям «выражения» или «обращения». Значительную часть своей книги К. Бюлер посвящает выяснению тех условий, при которых оказывается возможным представить и высказывания явления реального мира². При этом выдвигается двойственная связанность знаков, вступающих в акте речи. С одной стороны, речь всегда связана с контекстом — закрепляется в нем, передает свое отношение к нему и получает от него свою определенность («указательное поле языка» — «Zeigfeld der Sprache»). С другой стороны, речь, представляя своими знаками-символами те или иные предметы и отношения между ними, изображает определенное содержание системой связей между этими знаками («символическое поле языка» — «Symbolfeld der Sprache»). К. Бюлер подчеркивает сложность высвобождения речи из «указательного поля языка», но все же отмечает возможность этого: в предложениях, содержащих общее, не связанные временем суждения, вся определенность речи происходит из соотношений внутри «символического поля».

Таким образом, здесь, во-первых, ясно намечается общая сложность и многослойность структуры высказывания, что имеет непосредственно синтаксическое значение, а, во-вторых, синтаксические отношения, как и прочие грамматические явления, явно раздвигаются на два основных вида: выражающие связь с контекстом, а также с самими участниками речевого процесса (понятия «я» и «здесь», «ты» и «там» и т. д.) и выражающие те связи между вещами, которые изображены в предложении³.

¹ К. Bühler, указ. соч., стр. 24 и сл.

² См. там же, стр. 79 и сл., стр. 149 и сл.

³ Хотя мы условились оставаться лишь в пределах синтаксической теории на Западе, здесь все же трудно не указать на проведенное А. М. Пешковским разграничение «объективных» и «субъективно-объективных» категорий (см. «Русский синтаксис в научном освещении», 6-е изд., М., 1938, стр. 108). Большое внимание грамматическим категориям, связанным с позицией говорящего и с условиями акта речевой коммуникации, уделяют в последнее время и советские языковеды (см.: В. В. Виноградов, О категориях модальности и модальных словах в русском языке, «Труды Ин-та русского языка [АН СССР]», т. II, М.—Л., 1950; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, Введение).

Аналогичные тенденции, хотя и не в столь развернутом и обобщенном виде, находим мы также у ряда грамматистов, непосредственно рассматривавших синтаксические категории и прежде всего структуру предложения. Так, в системе Ш. Балли ¹ вся структура предложения основывается на сочетании двух компонентов — модуса, в конечном счете выражающего отношение говорящего к содержанию высказывания, и диктума, выражающего само это содержание высказывания. В теории предложения, выдвинутой Й. Рисом ², необходимым моментом при определении предложения считается производимая говорящим «оценка отношения к действительности» того содержания, которое выражено в предложении.

Конечно, обращение к структуре акта речи не всегда и не везде приводит ученых к созданию гармонической и многосторонней концепции предложения, охватывающей все стороны высказывания. Ряд лингвистов подчеркивает лишь одно из отношений, входящих в языковую «модель», обычно «выражение», т. е. проявление мысли и душевного состояния говорящего. Такая установка характерна для представителей крайне психологического направления в грамматике, например для Т. Калепки ³, стремящегося рассматривать всю грамматическую систему как порождение специфического психического состояния говорящего в акте речи. Но в целом систематическое исследование всех сторон акта речи с грамматической и, в частности, синтаксической точки зрения раскрывало многослойность и многоаспектность синтаксических явлений и вообще означало раздвижение рамок и углубление синтаксической теории. Такое исследование содействовало также выдвиганию на передний план проблемы предложения, как той единицы, которая непосредственно оформляет акт речи.

2. Четко разграничивается предложение и словосочетание. В развернутой и обоснованной форме эта сама по себе не новая мысль была выдвинута в работе Й. Риса «Что такое синтаксис?», относящейся еще к концу XIX в. ⁴ Й. Рис показывает, что предложение представляет собой явление иного грамматического ряда, чем словосочетание («группа слов» — «Wortgruppe»), которое определяется не функционально, а чисто структурно.

В результате такого принципиального разграничения словосочетания и предложения, которое постепенно стали широко проводить как при грамматических исследованиях, так и в практике обучения языку, анализ предложения становится в центр внимания грамматистов. Это в свою очередь способствовало рассмотрению словосочетания как особой структурной единицы языка, имеющей некоторые общие черты со словом ⁵.

3. Среди новых тенденций в трактовке предложения надо особенно отметить следующее. Анализ разновидностей предложения не ограничивается выделением традиционных его типов, различающихся по степени самостоятельности (самостоятельные, сочиненные, главные, подчиненные предложения), по полноте (полные, неполные, распространенные предложения), по коммуникативной задаче и эмоциональности (повествова-

¹ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, перевод с франц., М., 1955.

² J. Ries, *Was ist ein Satz?*, Prag, 1931, стр. 70.

³ Th. K a l e p k y, *Neuaufbau der Grammatik*, Leipzig — Berlin, 1928.

⁴ J. Ries, *Was ist Syntax?*, 2-e Ausg., Prag, 1927.

⁵ В русском языкознании роль словосочетаний для системы синтаксиса подчеркивалась в концепциях Ф. Ф. Фортунатова и А. М. Пепковского. Четкое разграничение словосочетания и предложения намечено в синтаксической системе А. А. Шахматова и особенно в последних работах советских языковедов.

тельные, побудительные, вопросительные, восклицательные предложения).

Начинают выделять и типы (модели) предложений, обладающие различиями в своем смысловом содержании, в характере закрепленных в них отношений реальной действительности. При этом такие различия выявляются в формальной структуре предложения, прежде всего в форме выражения подлежащего и особенно сказуемого¹.

Еще в конце XIX в. подобную типологию выдвигал К. Сведелиус, положив в основу своего определения предложения понятие «коммуникации»². Строя исследование на материале французского языка, К. Сведелиус отмечал, например, наличие в этом языке предложений, выражающих процесс (*procédé*), и предложений, выражающих «реляцию» (т. е. отношение), при этом автор устанавливает различные виды как процессов, так и реляций. Однако у К. Сведелиуса эта типология предложения, хотя и раскрытая на материале французского языка, получала универсальное, общезыковое значение. Между тем в работе Э. Сепира, оказавшей особенно большое влияние на выделение таких структурных «логико-грамматических» типов предложения, подчеркивается, что у каждого языка имеется своеобразный набор подобных моделей³. С психологической точки зрения к этой проблеме подошел и К. Бюлер, выдвинувший понятие «синтаксических схем»⁴.

4. Для развития синтаксической теории большое значение имеет тенденция к прослеживанию системного характера языка. Изучение языка как системы затрагивает все стороны его структуры — фонетическую, морфологическую и синтаксическую.

Когда речь заходит об изучении языка как системы, то в первую очередь, естественно, вспоминается имя Ф. де Соссюра, со всей остротой поставившего вопрос о всеохватывающей системности языка. Не случайно ряд важнейших работ, дающих конкретную характеристику строя различных языков как своеобразных систем, принадлежат перу учеников и прямых продолжателей Ф. де Соссюра. Такова, например, книга Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», в которой развертывается интересная концепция системы французского языка в сопоставлении с системой немецкого. Исходя как из фонетических, так и из синтаксических данных, Ш. Балли усматривает во французском языке с его аналитическим строем такие черты, как прогрессивную последовательность, сжатие знаков и т. д.

Существенно, что аналогичное стремление установить специфику системы ряда языков проявлялось и проявляется у многих языковедов и языковедческих направлений и независимо от Ф. де Соссюра или лишь при его косвенном влиянии. Так, большое внимание к системному характеру языка и особое подчеркивание важности синтаксических моментов (порядок слов, характер определений и т. д.) типичны для работ В. Шмидта⁵.

¹ Типы предложений подобного рода мы именуем логико-грамматическими типами предложения (см. В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 102 и сл.). В русской грамматике такая типология предложения была развернута В. А. Богородицким (см. его «Общий курс русской грамматики», 5-е изд., М.—Л., 1935, стр. 213 и сл.).

² C. S v e d e l i u s, L'analyse du langage appliquée à la langue française, Upsala, 1897.

³ Э. Сепир, Язык, перевод с англ., М.—Л., 1934.

⁴ См. K. B ü h l e r, указ. соч., стр. 251—255.

⁵ W. S c h m i d t, Die Stellung des Genitivs und ihre Bedeutung für den gesamten Sprachaufbau, Jahrbuch von St. Gabriel, 2, Wien, 1925; с р о ж е, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Heidelberg, 1926.

Широко известен тезис О. Есперсена об аналитическом строе английского языка, стремящегося к максимальной экономии в выражении¹. В новейшей работе «Основные черты английского языка и английского характера» В. Аццалино рассматривает некоторые факты проявления таких общих, по его мнению, черт английского языка, как динамичность, вещественность, интерес к единичному². В этой связи В. Аццалино указывает на следующие разнообразные явления: характер словаря и стилистического отбора слов в английском языке, тенденция к употреблению «динамических» глаголов с наречиями-последлогами, широкое употребление слова *thing*, система суффиксов и аббревиатур, соотношение подлежащего и сказуемого с подчеркнуто активной ролью подлежащего и т. п.

Вопросы своеобразия языковой системы поднимаются также в некоторых работах, посвященных немецкому языку. Так, Э. Драч, исходя из наличия в немецком предложении рамки, образуемой расщеплением грамматически и семантически связанных компонентов, считает рамку важнейшим и своеобразнейшим элементом всей структуры языка³. К. Боост стремится объяснить всю структуру немецкого предложения тенденцией к созданию напряжения⁴.

Следует отметить, что в построениях такого типа, как правило, имеется много спорного. Особенно сомнительны, а порой заведомо неверны и политически реакционны те обоснования и оценки, которые даются своеобразным чертам системы того или иного языка. Однако в плане выявления общего характера строя данного языка и его специфических особенностей эти и подобные им концепции представляют большой интерес; конкретные факты, обычно сопоставляемые в работах такого рода, хотя бы частично действительно находятся во внутренней связи и свидетельствуют о своеобразных чертах изучаемого языка⁵.

Если в XIX в. при характеристике структурного своеобразия языков преобладающим был морфологический критерий (форма слова, взятая в ее соотношении с предложением), то теперь огромное значение приобретают синтаксические моменты как таковые (например, для немецкого языка рамочная система порядка слов, которая, во всяком случае в своей основе, отнюдь не определяется и не порождается морфологическим характером немецкого языка, структурой его слова). Кроме того, для раскрытия своеобразия языковой системы широко используются и фонетические моменты — их соотносят с морфологическими и синтаксическими явлениями. Так, одним из важнейших факторов, в которых, по Ш. Балля, выявляется «прогрессивная последовательность» во французском языке, оказывается система французского ударения, всегда падающего на конец словосочетания и слова. Таким образом, звуковая структура слова и структура синтаксическая оказываются в тесном взаимодействии.

5. Раскрывается структурное своеобразие строя того или иного языка и выясняются те закономерности, которые обусловили возникновение этих своеобразий. При этом подчеркивается, что синтаксические моменты нередко весьма существенны в процессе языкового развития. Во всяком

¹ См. O. Jespersen, *Progress in language*, London, 1894; его же, *Growth and structure of the English language*, Leipzig, 1905.

² W. Azzalino, *Grundzüge der englischen Sprache und Wesensart*, Halle/Saale, 1954.

³ E. Drach, *Grundgedanken der deutschen Satzlehre*, Frankfurt a. M., 1939.

⁴ K. Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld*, Berlin, 1955.

⁵ В советском языковедении проблемы своеобразия синтаксического строя тех или иных языков затрагивались, но очень абстрактно, в стадийном разрезе, у Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и их последователей. Особенно большое внимание этим вопросам было уделено восте языковедческой дискуссии.

случае синтаксические закономерности в значительной мере выступают как самостоятельные явления, взаимодействующие с другими сторонами языка в их развитии, но не определяемые ими целиком.

В наиболее общем виде освещается этот вопрос у В. Вартбурга. Отмечая характерные особенности структуры французского языка, в подходе к которому он очень близок к трактовке Ш. Балли, В. Вартбург подчеркивает, что такие явления, как строгость порядка слов и конечное положение компонента, на который обращается основное внимание, отнюдь не являются только результатом фонетико-морфологического развития французского языка. «Развитие языка, — пишет Вартбург, — зашло здесь значительно дальше целей, поставленных внешней необходимостью»¹. В. Вартбург указывает, что в итальянском языке именительный и винительный падежи сопали раньше, чем во французском, но такой «линейности», какая существует во французском языке, в итальянском не выработалось.

Позиция В. Вартбурга особенно важна здесь потому, что его подход к языку, как он сам указывает, сложился главным образом под влиянием теории де Соссюра, согласно которой развитие языка, в отличие от языкового состояния в данный исторический момент, не имеет системного характера. Таким образом, Вартбург стремится преодолеть соссюровский разрыв между синхронией и диахронией и между «речью» и «языком».

Самостоятельность синтаксических закономерностей развития в своеобразной форме отмечает Э. Сепир. Для него этот вопрос в основном сводится к сохранению и переоформлению синтаксических моделей, в первую очередь моделей предложения, которые, по его мнению, не исчезают в своей основе даже при значительных сдвигах в морфологической структуре языка. Отметим, что у ряда исследователей, непосредственно не занимающихся к проблеме закономерностей развития синтаксических явлений, явно прослеживается тенденция рассматривать эти закономерности — в плане соотношения с другими сторонами языка — как самостоятельные. Такой подход совершенно отчетливо выступает у Э. Драха, К. Бооста, В. Андалино и др.².

3

Таковы некоторые, на наш взгляд существенные, новые черты в изучении синтаксических явлений, характерные для языкознания на Западе в последние десятилетия. На этом фоне нам будет легче показать (конечно, также лишь в тезисной форме) то новое как в положительном, так и в отрицательном плане, что внесли в трактовку синтаксиса структуралисты.

Из трех направлений структурализма мы остановимся здесь только на двух: на американской дескриптивной грамматике и на копенгагенском структурализме, особенно на «глоссематике», как на его наиболее ярком проявлении. У пражских структуралистов вопросы синтаксиса фигурировали, но занимали все же сравнительно незначительное место. В де-

¹ W. v. Wartburg, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft, Halle (Saale), 1943, стр. 170—171.

² В русском языкознании традиции установления общих синтаксических закономерностей развития языкового строя идут от А. А. Потебни. В последние годы, после языковедческой дискуссии, в советской лингвистике эти вопросы подвергались оживленному обсуждению в связи с проблемой внутренних законов развития языка, особенно на материале германских языков (см.: В. М. Ж и р м у н с к и й, К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», V, М., 1953; В. Г. Адмони, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, там же).

скриптивной грамматике и в глоссематике синтаксическим проблемам уделяется большее внимание.

Трактовка синтаксических явлений у структуралистов, естественно, неразрывно связана с общей структуралистской теорией языка, с ее стремлением целиком ограничиваться в анализе языковых явлений пределами языковой формы, с ее выдвиганием на первый план функциональной стороны языка и т. д. Мы лишены здесь возможности даже вкратце изложить общую теорию структурализма, да и считаем это ненужным, поскольку основные принципы и методические приемы этого направления в лингвистике неоднократно излагались в нашей печати (правда, обычно в сугубо критическом освещении)¹. Общие положения структуралистской теории, так же как и сложная структуралистская терминология, будут привлекаться нами лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания конкретных синтаксических проблем. Отметим при этом, что особое внимание будет уделяться практике исследования структуралистами синтаксических явлений, конкретным итогам изучения ими синтаксиса тех или иных языков.

Несмотря на количественное преобладание фонологических и морфологических работ, роль синтаксиса в концепциях дескриптивной грамматики и глоссематики оказывается в принципе исключительно большой. Общим для обеих этих школ является, в частности, стремление раскрыть структуру языка, исходя из исчерпывающего анализа соотношений между компонентами речевого потока. Отправным пунктом исследования становится анализ речевого отрезка («текста»), а именно — разделение его в грамматическом плане на мельчайшие значащие единицы (морфемы) и установление взаимодействий между ними. При этом такие языковые категории, как слово, словосочетание и даже предложение, получают лишь относительное значение и должны явиться своего рода результатом анализа, а весь центр тяжести лежит на изучении так называемых «непосредственно составляющих» (т. е. языковых единиц в их последовательности). Таким образом, по крайней мере в идеале, весь анализ «текста» должен носить по своей форме синтаксический характер.

Однако эта общая «синтаксичность» анализа развивается за счет интереса к непосредственно синтаксическим построениям и категориям. Перед структуралистами возникает опасность смешения и неразличения таких категорий, как слово, словосочетание, предложение, сложное предложение, хотя для большого числа языков эти категории качественно различаются между собой². Но в концепциях структуралистов система языка, его структура не сводится целиком к соотношению следующих друг за другом в тексте единиц. Для Л. Ельмслева, например, этот синтагматический, линейный момент («движение языка») не является собственно системой. Система языка может пониматься еще парадигматически, как взаимосвязь грамматических явлений, относящихся к одному и тому же грамматическому плану (система частей речи, падежей, членов предложения и т. д.), т. е., выражаясь словами Ельмслева, как «зависимость между терминами в си-

¹ Ср.: М. М. Г у х м а н, Против идеализма и реакции в современном американском языкознании. (Л. Блумфилд и «дескриптивная» лингвистика), ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4; О. С. А х м а н о в а, О методе лингвистического исследования у американских структуралистов, ВЯ, 1952, № 5; е е ж е, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, ВЯ, 1953, № 3; М. М. Г у х м а н, Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954; О. С. А х м а н о в а, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955.

² Для дескриптивной лингвистики такой метод был в известной мере связан с тем, что она нередко имела дело с инкорпорирующими языками, в которых соотношение между морфемой, словом и словосочетанием значительно менее отчетливо, чем, например, в индоевропейских языках.

стеме», противопоставленная «зависимости между терминами в движении», т. е. в «тексте»¹.

Именно у Л. Ельмслева противопоставление этих двух моментов дано в наиболее развернутой и подчеркнутой форме. И это не случайно. Одно из существенных различий между глоссематикой и дескриптивной лингвистикой состоит в том, что в своих более конкретных языковых изысканиях представители копенгагенского кружка структуралистов и примыкающие к ним языковеды более широко разрабатывают проблемы «парадигматической» системы языка. Недаром основная более «частная» языковедческая работа самого Л. Ельмслева посвящена такому вопросу, как система падежей². При этом с точки зрения конкретных результатов разработки глоссематикой «парадигматической» системы не увенчалась сколько-нибудь заметным успехом. У самого Л. Ельмслева в разработке этих вопросов, при всем многообразии использованного языкового материала, преобладает тенденция наметить универсальную картину системы соответствующих категорий, которые, однако, остаются абстрактными и отрываются от конкретных языковых фактов. Сами выводы автора подчас не отличаются большой оригинальностью, если не считать перестройки терминологической системы. Так, в трактовке системы падежей у Л. Ельмслева по сути дела возрождается старый локалистическая теория. Лишь в деталях приходит к новым выводам и опирающийся на структурализм А. Хейниц в своей работе, посвященной роли родительного падежа в индоевропейской падежной системе³.

Интерес к «парадигматической системе» преобладает и в работах основателя датского структурализма В. Брендала⁴. Вместе с тем у него, у Л. Ельмслева и у ряда других языковедов, так или иначе связанных с копенгагенским структурализмом, наблюдается значительный интерес к более глубокому общему определению тех величин, которые выступают в синтагматическом построении речи. Так, В. Таули в статье, основанной в значительной мере на материалах эстонского языка, рассматривает проблему соотношения между аналитическими и неаналитическими грамматическими формами, причем устанавливает множество переходных и промежуточных форм⁵. Пристальное внимание привлекает понятие морфемы⁶. Широкому изучению, особенно в работах Ельмслева, подвергаются типы связей между компонентами «текста», в значительной мере соответствующие тому, что обычно понимается под синтаксическими связями. Однако в глоссематике понятие таких связей трактуется значительно шире и разностороннее. Л. Ельмслев, например, намечает систему зависимостей между грамматическими компонентами, в которой даны корреспонденции между соотношениями членов «синтагматического ряда» («текста») и соотношениями членов парадигмы. Но, насколько мы можем судить, эти моменты глоссематического метода не получили своего развернутого применения в конкретных синтаксических исследованиях, так

¹ По сути дела аналогичное различение двух аспектов языка дано у де Соссюра в противопоставлении синтагмы как сочетания, опирающегося на протяженность, ассоциативным отношениям (см. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 121).

² L. Hjelmslev, La catégorie des cas. Étude de grammaire générale, «Acta jutulandica»: VII, 1—1935; IX, 2—1937.

³ A. Heintz, Genetivus w indoeuropejskim systemie przypadkowym, Warszawa, 1955.

⁴ V. Brøndal, Les parties du discours, Copenhague, 1928.

⁵ V. Tauli, Morphological analysis and synthesis, «Acta linguistica», vol. V, fasc. 2, 1945—1949.

⁶ Сводку литературы по этому вопросу см. у В. Пизани (V. Pisani, Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft. Indogermanistik, Bern, 1953, стр. 13).

что плодотворность таких различий, как различие «селекции» (односторонняя грамматическая зависимость «в тексте») и «спецификации» (двухсторонняя грамматическая взаимозависимость «в системе»), остается не выясненной¹.

В отличие от глоссематики, дескриптивная грамматика в первую очередь разрабатывает именно структуру «текста», линейный синтагматический языковой ряд. При этом наряду с большим количеством чисто теоретических работ ряд исследований дескриптивных лингвистов посвящен конкретному анализу отдельных языков и своеобразию их строя. Именно поэтому мы и должны остановиться подробнее на данном направлении. Нас интересуют главным образом следующие вопросы: 1) что дает метод дескриптивной лингвистики в области синтаксиса при анализе языков, уже подвергавшихся широкому и всестороннему изучению? Помогает ли этот метод вскрыть новые, прежде остававшиеся незамеченными, стороны строя этих языков? 2) если метод дескриптивной грамматики позволяет по-новому описать, «представить» уже известную систему языка, то насколько полно и глубоко удастся ему это сделать?

Следует учитывать, что между представителями дескриптивной лингвистики существуют значительные расхождения. Работы дескриптивных лингвистов, посвященные таким языкам, как английский или французский, чрезвычайно различны по своему характеру — и это зависит не только от большей или меньшей одаренности или эрудиции автора. Дело еще в различиях в самом подходе к языку. Возьмем, например, работу Р. А. Холла, посвященную французскому языку². Раздел, отведенный синтаксису (Phrase-structure), производит впечатление прежде всего чрезвычайной бедности. В рецензии на эту книгу А. Мартинет уже отмечал ряд крупных недостатков и неточностей, допущенных Р. А. Холлом³. С нашей точки зрения, основной недостаток книги Холла состоит в том, что ряд отдельных, частных указаний, которые даются в работе (например, о подчинительных словосочетаниях — стр. 47 и сл., о структуре предложения — стр. 54 и сл.), никак не сведены воедино. Никакой общей картины своеобразия строя французского языка в книге не получается. Явления, различные по своей значимости в системе французского языка, даны в одной плоскости, например, все виды «эндоцентрических сочетаний», полные и неполные предложения. Автор здесь инвентаризирует (и то далеко не полностью) важнейшие синтаксические конструкции, но инвентаризирует их в отрыве друг от друга.

¹ Отметим попутно, что стремление к пересмотру «парадигматической» системы (в частности, синтаксических категорий) широко представлено и у языковедов, совсем не примыкающих к структуралистам или лишь отдаленно в той или иной мере соприкасающихся с ними. И здесь, чаще всего, дело сводится в конечном счете к созданию новых терминологических систем. Так, для немецкого языка сравнительно недавно Х. Глициц предложил новую систему членов предложения, построенную в значительной мере на морфологической и семантической основе. Глициц различает следующие члены предложения: 1) члены предложения, выражающие процесс (Vorgangsglieder), — спрягаемый глагол, именные формы глагола, неглагольные компоненты, вступающие с глаголом в неразрывную связь; 2) величины (Größen) — все склоняемые компоненты предложения; 3) указания (Angaben) — все неглагольные и несклоняемые компоненты, образующие все же члены предложения; 4) связочные части (Fügteile). Но внутри этих разрядов дана дополнительная классификация, которая воспроизводит, хотя и под новыми наименованиями, большинство привычных категорий членов предложения (все виды дополнений, обстоятельства, предикатив и т. д.). Сам Х. Глициц отмечает, что, стремясь подойти к формам немецкого языка совершенно заново, из конкретного анализа материала («текста»), он довольно скоро, как бы «с другой стороны», наткнулся «на традиционную грамматику» (см. H. G l i c i t z, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern, 1952, стр. 487—490, 59).

² R. A. H a l l, French, «Suppl. to „Language“», vol. 24, № 3, 1948.

³ A. M a r t i n e t, About structural sketches, «Words», vol. V, № 1, 1949.

Защитники работы Р. Холла стремятся оправдать его тем, что он хотел лишь представить изучаемый вопрос с новой стороны. Однако и они вынуждены признать, что «его монография... не означает прогресса в нашем понимании французского языка или в нашем познании его структуры»¹. На самом деле Р. Холл не только не прибавляет ничего нового к тому, что уже было известно о структуре французского языка, а приводит лишь небольшую часть этого материала. В частности, работа Холла не содержит почти ничего из того, что было обнаружено в строе французского языка более глубокими разысканиями исследователей последних десятилетий, например Ш. Балли и В. Вартбурга.

Обратимся к другой, более полной работе—«Очерку структуры английского языка» Дж. Л. Трэджера и Г. Л. Смита². Несмотря на ее небольшой объем (92 странички, которые должны охватить всю английскую фонетику и грамматику) и на постоянные оговорки о ее сознательно неполном характере, книга Трэджера и Смита чрезвычайно показательна, потому что авторы сами рассматривают ее как своего рода образец систематического применения новой и научной (т. е. дескриптивной) лингвистики к материалу английского языка, видят в ней основу для практического преподавания английского языка иностранцам.

Основная часть книги занята фонологией (стр. 11—92); конец посвящен «металингвистике», которая здесь почти целиком сводится к стилистике. В середине книги (стр. 53—80) рассматривается «морфемика», охватывающая морфологию, которая, по мнению авторов, должна изучать ряды морфем, включающие в себя лишь одну «базу» (т. е. слова), и синтаксис, трактующий ряды морфем, включающих в себя более чем «одну базу». При определении понятия «базы» авторы указывают на то, что она выступает как носитель значения в той структуре, частью которой является (стр. 55). В целом в книге декларируется необходимость исключить из грамматики момент значения, а весь анализ строится прежде всего на фонетически-интонационной основе, а также на наличии или отсутствии флексии. Для синтаксиса (стр. 67—80) определяющим является интонационное членение ряда морфем, образующих высказывание, причем предполагается полный параллелизм между «фонетическим» и синтаксическим членением предложения. Анализируются лишь простейшие формы предложения. Внутри предложения, на основе интонационного членения, выделяются синтаксические члены (*syntactic clauses*), которые в свою очередь анализируются как словосочетания, различающиеся по ведущему слову (существительное, прилагательное и т. д.). Анализируемые формы глагола рассматриваются как глагольные сочетания, но с неожиданно появляющейся здесь категорией вспомогательного глагола.

Таким образом, несмотря на широкие замыслы книги, в ней намечены лишь самые общие и крайне расплывчатые очертания английского синтаксиса, и то разрозненно, без выделения наиболее важных черт. В книге почти совсем не затронуты, например, такие кардинальные для строя английского языка вопросы, как система порядка слов, типы предложения и т. д. Характерно, что сами авторы признают это. Они отмечают, что ряда вопросов (например, порядка слов) они не касаются, так как в этом направлении уже много сделано в традиционном языкознании, и что вообще их задача — не замесить, например, синтаксис частей речи, а только сделать его технически более совершенным и объективным (стр. 76—79). Но ведь это означает, что они признают невозможность обнаружить при

¹ G. M. Messing, *Structuralism and literary tradition*, «Language», vol. 27, № 1, 1951, стр. 3.

² G. L. Trager and H. L. Smith, *An outline of English structure*, Oklahoma, 1951.

помощи своего метода новые черты в существеннейших сторонах синтаксического строя английского языка. Нельзя обнаружить даже никакой «формулы перехода» от построений, данных в книге, к анализу этих явлений.

Несколько в ином плане написана книга Ч. К. Фриза «Структура английского языка»¹. Она несравненно более развернута, чем только что упомянутые работы, и посвящена более частному вопросу — синтаксической структуре английского языка, а в первую очередь — структуре предложения.

Материал, положенный Фризом в основу исследования, — это ряд записей диалогов (телефонных), причем большое внимание уделяется высказываниям, различающимся по коммуникативному заданию (высказывания, имеющие целью вызвать только «устный» ответ, вызвать действие, продолжить беседу). Всем им противопоставляются «некоммуникативные», т. е. эмоциональные, высказывания — выражающие удивление и т. п. (стр. 53). Именно к коммуникативно различающимся предложениям в первую очередь Фриз обращается также в разделе о структурных моделях предложения (стр. 142 и сл.).

Что касается членения предложения, то Фриз исходит из наличия так называемых «формальных показателей» («formal devices»). Резко возражая против семантического подхода к предложению и его членению, Фриз справедливо ставит во главу угла не лексическое значение слов, входящих в состав предложения, а «структурное значение» предложения, т. е. фактически систему грамматических категорий, содержащихся в предложении («грамматика языка состоит из показателей, которые сигнализируют структурное значение», стр. 56). Наличие структурных показателей и позволяет в основном выразить структурное значение предложения в нем самом.

Для английского языка Фриз отмечает возможность описать все структурные сигналы в «физических терминах форм, корреляций этих форм и изменения порядка слов» (стр. 58). Но фактически основным формальным показателем у Фриза оказывается порядок слов. Именно на его основе, исходя из общей схемы английского повествовательного предложения (стр. 75 и сл.), Фриз определяет основные разряды слов в английском языке, присваивая им «номерные» названия: слова 1-го класса — это слова, которые, предшествуя словам 2-го класса, могут стоять на первом месте в предложении (они соответствуют существительным и субстантивным местоимениям); слова 2-го класса — это слова, которые, занимая место после слов 1-го класса, могут стоять на втором месте в предложении (они соответствуют спрягаемому глаголу) и т. д. Аналогично определяются слова 3-го класса (соответствующие прилагательным) и 4-го класса (соответствующие наречиям). Помимо этих четырех подлинных частей речи Фриз вводит еще большое число разрядов «функциональных слов», куда включаются артикли, все «параллельные» ему слова, ряд вспомогательных и полувспомогательных глаголов, предлоги и т. д.

Если формальные разряды слов устанавливаются Фризом на основе их места в предложении [чисто морфологические признаки (словообразовательные разряды, флексии) даются лишь как дополнительные признаки распознавания частей речи; но и они частично определяются порядком слов (стр. 110—118)], то грамматическая структура предложения, его «структурное значение», основывается прежде всего на этих формальных разрядах слов. «Английское предложение — не группа слов, как таковых, а скорее структура, образованная формальными классами

¹ Ch. C. Fries, The structure of English. An introduction to the construction of English sentences, New York, 1952.

или частями речи», — пишет автор (стр. 64). Анализ порядка слов в его взаимодействиях с системой частей речи дает возможность выделить такие типы предложения, как предложения с «функциональным словом» *there* на первом месте, условные бессоюзные предложения и т. д. (стр. 158 и сл.). На этой же основе строится анализ членов предложения, прежде всего подлежащего и сказуемого. При этом Фриз отвергает семантический подход к такому анализу (например, он показывает неправомочность характеристики подлежащего как деятеля) и настаивает на чисто структурном определении, исходящем из формальных разрядов слов и порядка слов. Подлежащее и сказуемое по сути дела рассматриваются как функции структуры и даже характеризуются как структуры (стр. 173 и сл.). Ввиду того, что подлежащее и сказуемое являются членами одной структуры, они трактуются как категории соотносительные. Исходя из различий в форме сказуемого, Фриз намечает ряд важнейших типов простого предложения, отличающихся по характеру выраженных в них реальных отношений (производитель действия и действие, идентификация и т. д.), т. е. ряд логико-грамматических типов предложения (стр. 178 и сл.).

Значительно более сложной оказывается для Фриза задача — выделить и определить второстепенные члены предложения. Формальные критерии выбора той или иной части речи и порядка слов оказываются недостаточными потому, что одна и та же часть речи может выполнять роль различных второстепенных членов предложения, а порядок слов может варьироваться. Для преодоления этих трудностей Фриз, создавая множество развернутых схем структуры предложения и используя целую систему условных обозначений, обращается к наличию или отсутствию в соответствующей конструкции функциональных слов. При этом автор очень широко применяет метод подстановки (субститута). Заключается этот метод в том, что все слова 1-го класса разделяются на три группы в зависимости от тех местоимений, которыми они могут быть заменены: слова первой группы могут быть заменены только местоимениями *he, she*; слова второй группы — местоимениями *he, she* и местоимением *it*; слова третьей группы — только местоимением *it* (стр. 120—121). Различие по субституту (по сути дела воспроизводящее старое грамматическое различие лица и вещи) дает возможность выявить, например, различие между подлежащим и дополнением (косвенным) в различных конструкциях, даже при инвертированном порядке слов. Например, в предложении *The ladies were given the orchidies* несоответствие между субститутами слов *ladies (she)* и *orchidies (it)* обеспечивает понимание того, что подлежащим является *ladies*.

Среди членов предложения Фриз особо выделяет так называемые «модификаторы», т. е. такие члены предложения, которые синтаксически непосредственно зависят от других слов. Они рассматриваются, притом с широким учетом их значения, исходя из характера господствующего члена [модификаторы, зависящие от слов 1-го класса, от слов 2-го класса и т. д. (стр. 206 и сл.)]. В главе о сложном предложении (стр. 240 и сл.) подробно трактуются средства связи. В ряду так или иначе связанных друг с другом предложений особо выделяются предложения, начинающие речь («ситуационные» предложения). Последующие предложения анализируются с точки зрения их взаимоотношения с предшествующими. Здесь подчеркивается роль личных местоимений, а также артикли, различных местоименных элементов и ряда наречий. Сложноподчиненное предложение трактуется с точки зрения союзов.

Фриз специально рассматривает (на стр. 256 и сл.) вопрос о системе «непосредственно составляющих» в структуре английского языка. Отмечая, что в каждом языке группировка по «непосредственно составляющим»

своеобразна и что в английском языке она менялась в процессе языкового развития, автор подчеркивает роль порядка слов в английском и возможность изменения смысла в зависимости от изменения членения предложения на «непосредственно составляющие».

4

Таковы важнейшие черты синтаксической системы Фриза. Конечно, в ней нетрудно обнаружить ряд крупных недостатков. Большое число вопросов, подчас очень своеобразных и важных для системы английского языка, почти совершенно в ней не затрагиваются (например, абсолютные конструкции, односоставные типы предложения, модальность, обособление, «групповой» родительный падеж и т. д.). Многие явления, затронутые в книге Фриза, даны лишь частично и поверхностно. Нарекания может вызвать значительная часть новой терминологии, вводимой Фризом, поскольку за ней чаще всего скрываются общеизвестные факты. Так, «классы слов» Фриза являются почти полной копией привычных частей речи (характерно, что несмотря на наличие у Фриза особого разряда «функциональных слов», он использует термины «союз» и «предлог»). Таким образом, имеются серьезные основания для резкой критики по адресу Фриза¹.

Но вместе с тем книга Фриза дает все же представление об общем характере строя английского языка и в некоторых отношениях освещает свой предмет довольно широко и многообразно. Так, Фриз четко открывает значение позиционного момента для формирования предложения в английском языке (хотя для этого не обязательно было в соответствии с общей тенденцией дескриптивистов затупевывать и наличие ясной непосредственно морфологической системы частей речи). Он показывает, что соотносительность категорий подлежащего и сказуемого, выраженных особыми формальными разрядами слов, является структурной основой английского предложения; исходя из этого положения, он устанавливает различные «логико-грамматические» типы предложения в английском языке. Он дает развернутую картину второстепенных членов предложения и форм взаимоотношений между предложениями в связной речи. Конечно, подавляющее большинство из того, что мы находим у Фриза, уже неоднократно излагалось в грамматиках английского языка. Но кое-что (и в первую очередь как раз только что отмеченные нами моменты) дано у него все же более полно, с большей четкостью и более подчеркнуто, чем это делалось раньше в зарубежной англистике. В этом смысле работа Фриза резко отличается от ранее разобранных работ дескриптивистов.

Сопоставим трактовку некоторых основных принципов структурализма у дескриптивистов и у Фриза.

1. Для представителей дескриптивной лингвистики в целом, так же как и для Ельмслева, характерно стремление сосредоточить свое внимание при грамматическом анализе на языковом отрезке («тексте»), выключенном из речевой ситуации, хотя в определении языка они всегда исходят из «модели» (правда, крайне упрощенной) протекания речевого акта². Говоря терминами де Соссюра, они ~~они~~ хотя бы занимаются «языком», а не «речью». Поэтому, в отличие от тех тенденций современных синтаксистов, о которых мы писали выше, грамматические категории, связанные с ситуа-

¹ Серьезная и острая критика книги Трэджера и Смита («Очерк структуры английского языка»), а также книги Фриза содержится в обширной рецензии Дж. Слэdda (см. «Language», vol. 31, № 2, 1955, стр. 312—345; на стр. 313—314 и 335 этого же номера редакция журнала дает подробную библиографию обсуждения обеих книг).

² В чрезвычайно упрощенном виде момент «поведения» участников речевого процесса неоднократно упоминается в книге Дж. Л. Трэджера и Г. Л. Смита; однако он никак не используется там для постановки подлинно грамматических проблем.

цией, с говорящим и со слушающим («субъективно-объективные» категории), оказываются у структуралистов в значительной мере в тени (полностью они, естественно, не могут быть исключены ни в какой грамматической концепции). А это ведет к большой однолинейности и абстрактности в понимании языка¹.

У Фриза, в отличие от многих представителей дескриптивизма, грамматическая роль речевого акта учитывается в значительно большей мере (обращение именно к диалогическому материалу, развернутая характеристика высказываний, различающихся по коммуникативной цели, различие между предложениями, вводными речью, и последующими и т. д.). Правда, и для Фриза более глубокие и сложные категории, связанные с характером акта речи, с позицией говорящего и т. д., остаются все же неясными. Именно этим, очевидно, объясняется его полное невнимание к вопросам модальности.

2. Крайние представители дескриптивной лингвистики стараются изучать грамматику, исключая при этом момент семантики, значения. Сам Фриз приводит слова Дж. Б. Карроля: «Общей характеристикой методологии дескриптивной лингвистики, как она практикуется в настоящее время американскими лингвистами, являются усилия анализировать лингвистическую структуру без обращения к значению». Но как раз Фриз, всячески подчеркивающий неправомерность проводить грамматический анализ исходя из значения, вместе с тем со всей решительностью заявляет и о невозможности довести грамматический анализ до конца без учета значения грамматических форм². Более того, Фриз не без оснований стремится показать, что и Блумфилд, в отличие от многих его последователей, считал необходимым учитывать момент значения в анализе грамматических структур³.

Такое систематическое обращение к грамматическому значению в концепции Фриза позволяет ему заметить то, что мы называем «логико-грамматическими» типами предложения, уточнить характер модификаторов второстепенных членов, входящих в состав подчинительных словосочетаний, и т. д. Конечно, и Фриз оказывается здесь непоследовательным. Признавая фактически наличие определенного обобщенного грамматического значения у ряда синтаксических форм, он все же нередко ограничивается чисто структурными моментами, не обращаясь к семантической стороне, что приводит к неполноте, а порой и к прямой беспомощности в объяснении соответствующих явлений (это относится прежде всего к выделению таких второстепенных членов предложения как прямое и косвенное дополнение, а также к характеристике предложений типа *there are...*).

Однако при анализе большей части грамматических явлений Фриз все же учитывает момент грамматического значения, что и способствует боль-

¹ Соотношение между объективными и субъективно-объективными категориями — это лишь одно из проявлений всей сложности и многослойности языка и его форм, в которых обычно пересекаются различные функции и значения. Ведь сама линейность языка, которую структурализм делает одной из своих исходных точек, отнюдь не означает одноаспектного движения от одной речевой единицы к другой. «Линию» языка можно сравнить не с бичевой, а скорее с кабелем, по которому одновременно происходит целый ряд передач, но только все они неразрывно связаны друг с другом. Движение от одной речевой единицы к последующей оказывается обычно движением непосредственно смысловым, движением по определенным синтаксическим моделям, движением в модальном и эмоциональном планах и т. д.

² См. Ch. C. Fries, указ. соч., стр. 293.

³ За последние годы в дескриптивной лингвистике вообще усилился протест против исключения семантики из грамматики (см.: R. Jakobson, C. Gunnar, M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis. The distinctive features and their correlates, Cambridge, Mass., 1952; Ch. C. Fries, Meaning and linguistic analysis, «Language», vol. 30, № 1, 1954).

шей глубине и расчлененности того облика английской языковой структуры, которую описывает Фриз. Отметим, что Холл в некоторых случаях также обращается к грамматическим значениям¹, но делает это спорадически. Что касается Трэджера и Смита, то они вообще постоянно декларируют недопустимость обращения в грамматике к значению, хотя все же кое-где без этого не могут обойтись. Отметим также, что на всех рассмотренных работах, по крайней мере в применении к синтаксическим явлениям, совсем не отразились такие общие устремления крайнего структурализма, как чисто функциональное определение грамматических компонентов в полном отрыве от непосредственной грамматической формы и как отказ от различения слова, словосочетания, предложения. При попытке дать конкретную картину строя определенного языка эти моменты, очевидно, оказались бесплодными.

Из всего этого приходится сделать вывод, что ряд установок дескриптивистов не помогает, а препятствует плодотворному синтаксическому анализу конкретного языкового материала.

Таким образом, рассмотрение двух аспектов языковедческого метода показывает, что преимущество Фриза заключается в его отходе от крайних дескриптивистских позиций. Но имеются ли в тех положительных результатах, которые все же достигнуты Фризом, проявления специфических методов, свойственных дескриптивной лингвистике?

На этот вопрос надо ответить утвердительно. Наблюдения, которые были сделаны Фризом, несомненно, связаны с такими методическими требованиями дескриптивной лингвистики, как тщательное и исчерпывающее изучение всех форм членения и видов сочетаний в данном языке, как проведение грамматического анализа на основе выяснения всех видов грамматической зависимости между компонентами языковых образований, как ориентация на форму в качестве исходного момента грамматического анализа. Основная цель здесь — всеобъемлющий охват при изучении грамматических сочетаний. Стремление же к такой цели должно привести к важным и ценным выводам. Правда, требование «всеобъемлющего охвата» фактически уже фигурировало в истории синтаксической мысли — в частности, этим по сути дела характеризовался эмпиризм младограмматиков. В применении к дескриптивной лингвистике, вообще к структурализму, здесь можно говорить, пожалуй, лишь о доведении до логического конца соответствующих тенденций. Но все же сама постановка такой задачи относится к наиболее положительным чертам структурализма.

Вместе с тем нельзя забывать, что даже самый широкий охват синтаксических явлений сам по себе еще не обеспечивает установления подлинной системы строя данного языка в его конкретном своеобразии. Для достижения этой цели необходимо еще выделить наиболее характерные, определяющие черты такой системы. А между тем у Холла или у Трэджера и Смита синтаксические явления, как правило, располагаются в одном плане. Даже Фриз, хотя в основу своих построений он кладет действительно наиболее важное синтаксическое отношение в английском языке (отношение между подлежащим и сказуемым), не обращает внимания на крайне показательные для английского языка явления: например, на «заместительность»², «достаточность» для предложения (в ответах, при повторениях) и на сочетания подлежащего с вспомогательным глаголом (типа *Did you tell him? Of course, I did*). Для выявления таких моментов не только желательно, но, вероятно, и необходимо сопоставление данного языка с дру-

¹ См. Р. А. Налл, указ. соч., стр. 47, 51.

² Ср. В. Н. Ярцева, Слова-заменители в современном английском языке, «Уч. Зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, вып. 14, 1949.

гими языками, особенно с языками генетически и структурно близкими. Это ни в коей мере не означало бы, что надо измерять данный язык меркой другого языка, а только побудило бы более точно сформулировать своеобразные черты системы данного языка, вообще помогло бы превратить структурный анализ языка в подлинный анализ языковой структуры как определенной системы.

Таким образом, как это парадоксально ни звучит, с точки зрения анализа системы отдельного языка в ее цельности и своеобразии структурализм не причастен к тем достижениям, которые характерны для современной синтаксической теории, а скорее продолжает традиции старого эмпирического синтаксиса. Если же учесть еще такие черты структурализма, как неумение охватить всю многослойность и сложность грамматических явлений и стремление строить грамматическую систему безотносительно к обобщенным грамматическим значениям, то придется сделать вывод, что структурализм — по крайней мере, в области синтаксиса — вряд ли является основным и обобщающим методом лингвистического анализа. Однако положительные стороны этого направления также следует учитывать при дальнейшей разработке синтаксической теории, а также в практике синтаксических разысканий.